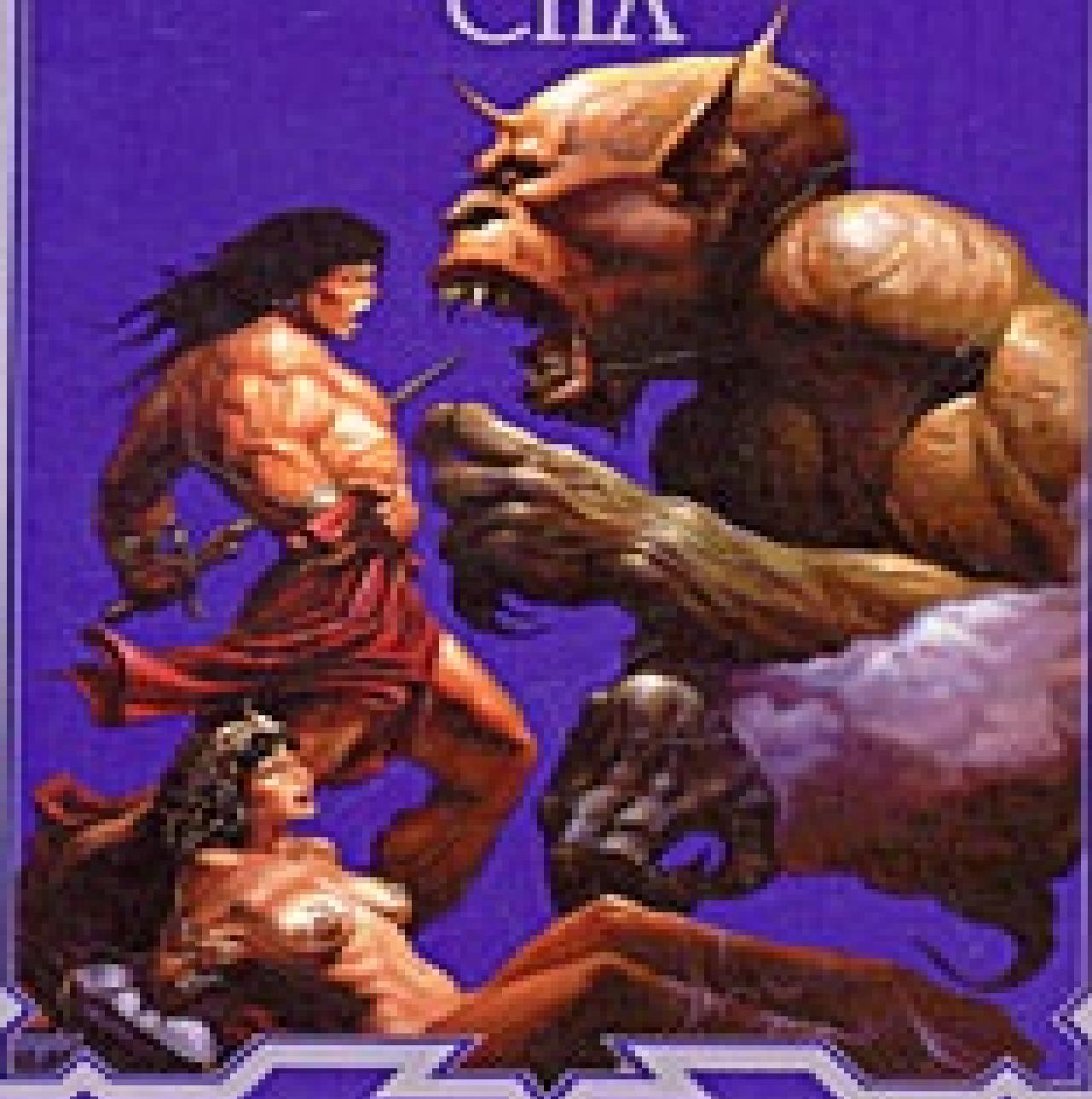

КОНАН
И ПАГОДА
СНА

Annotation

После смерти мужа Юлия-Медея узнает секрет покойного. Супруг скрывал от нее, что на особняке, в котором они живут, лежит проклятие, возможно «прикрепленное» к какому-то из предметов находящихся в доме.

В это время Конан с приятелем магом разыскивают статую женщины сделанную из цельного куска изумруда.

«Северо-Запад Пресс», «ACT», 2005, том 103 «Конан и пагода сна»
Дуглас Брайан. Призрак и статуя (повесть), стр. 363-427

- [Дуглас Брайан](#)
 -
-

Дуглас Брайан

Призрак и статуя

Воистину, Юлия-Медея была отважной и красивой женщиной. По крайней мере, так считали многие. И до последнего времени того же мнения придерживалась о себе сама Юлия-Медея. До последнего времени...

Многое случилось с тех пор, как умер ее муж.

Нельзя сказать, чтобы Юлия-Медея сильно любила своего супруга. Это был человек богатый, немолодой и не слишком умный. С ним было надежно и... скучно. «Безнадежно скучно», — признавалась молодая женщина самой себе, разглядывая в полированное медное зеркало свое привлекательное юное лицо. Сказать по правде, было на что полюбоваться: изящно очерченный овал, волосы золотистого цвета, чуть вьющиеся на концах, светло-рыжие брови и пушистые ресницы — вопреки моде, светлые, что только подчеркивало глубокий зеленый цвет глаз. У Юлии-Медеи рот был несколько крупноват, но это только шло к ее аристократическому аквилонскому облику, поскольку (если уж разглядывать ее строгим взором ценителя классической красоты) и нос ее можно было бы счесть длинноватым. Сама она, равно как и ее многочисленные поклонники, предпочитали именовать его «гордым» — на том и следует остановиться.

Происхождению Юлии-Медеи могли позавидовать короли — она родилась в очень знатной семье. Увы, родословная была единственным ее приданым — за долгие века существования династии многократно происходил раздел родового имущества; кое-что погибло во время войн; кое-что вывезли в другие страны во время непорядков в Аквилонии. Остаток был настолько жалким, что родители, влачившие совершенно нищенское существование в полуразвалившемся родовом замке, предпочли выдать Юлию-Медею за человека состоятельного, но совершенно не знатного.

Купец Рутилий прибыл в замок предполагаемых новых родственников, осмотрел почтенные руины, пробормотал под нос что-то невнятное, но при виде красавицы-невесты так и замер на месте. Юлия-Медея произвела на него неизгладимое впечатление — раз и навсегда.

— Драгоценные камни нуждаются в подходящей оправе, — объявил Рутилий родителям девушки. — Я лично займусь этим.

Мать прикусила губу и чуть подтолкнула дочь в спину, чтобы та приблизилась к жениху и подала ему руку. Об этом они договаривались заранее: девушка должна вести себя любезно и постараться понравиться. Другого способа вырваться из нищеты для нее не существовало.

«Можешь, впрочем, отправиться куда-нибудь в Аренджун, — шипела мать в ответ на протесты Юлии-Медеи, которой не хотелось замуж за старого, по ее понятиям, и непривлекательного Рутилия. — На панелях этого удивительного города ты сделаешь головокружительную карьеру. Говорят, рыжеволосые пользуются там бешеным спросом.»

И Юлия-Медея улыбнулась Рутилию, как ее учили, и мило пролепетала «да», когда влюбленный купец предложил ей разделить с ним жизнь.

Щедрость Рутилия не простиралась, впрочем, на родовое имение девушки. «Легче построить новое, чем привести в порядок такую рухлядь», — объяснил он. И родители Юлии-Медеи вынуждены были согласиться с зятем, поскольку он, конечно, был совершенно прав. Таким образом, старики-аристократы остались доживать век среди голых камней и воспоминаний, а их блестательная дочь отправилась на роскошную виллу в окрестностях

Шамара — там, где полноводный Хорот сливается с рекой Тайбор.

Развлечений на вилле было немного — прогулки в живописной местности, изредка — охота на уток с луком и стрелами, на которую Рутилий всегда брал с собой жену. Несколько раз в год выезжали в Шамар — навестить высокопоставленных родственников Юлии-Медеи.

Этих родственников Юлия-Медея терпеть не могла. Как и ее родители, они были чрезвычайно знатны и невыносимо чванились древностью своей крови. Но судьба их сложилась более удачно, и они не обнищали так, как это случилось с предками Юлии-Медеи. Тем не менее, пока Юлия-Медея прозябала в бедности среди холодных сырых руин родового гнезда, где зачастую не хватало дров, чтобы протопить разваливающийся камин и согреться посреди суровой аквилонской зимы, этим родственникам не было до нее никакого дела. Они ни разу не приехали навестить девочку, все эти высокомерные дядюшки, тетушки и кузины с голубой кровью в жилах. Ни разу не предложили помочь, никогда не попытались вывести Юлию-Медею в свет, где она могла бы найти себе мужа, подходящего по происхождению. А теперь, когда она разбогатела, они охотно принимали ее у себя в гостях. Естественно, вместе с отвратительно-худородным супругом. И естественно, сплетничали у нее за спиной.

«...истинная аристократка предпочла бы умереть от голода, чем смешать спою кровь с кровью, простолюдина...» — слышала иногда Юлия-Медея их перешептывания.

Однако ради мужа она терпела эти поездки в Шамар. Для Рутилия было важно появляться в высшем свете — это хорошо сказывалось на его торговле (а торговал он кружевом и атласными тканями). Некоторые платья, сшитые из товара Рутилия специально выписанными портными, но заказу хозяина, Юлия-Медея демонстрировала на больших празднествах в Шамаре и даже в Тарантии. Ослепительная красота рыжеволосой аристократки изумительно оттенялась палевыми и голубыми шелками, переливающимися белоснежными атласами, меховыми воротниками, струящимися вокруг шеи и ниже, подчеркивая изящную линию груди. Вскоре Рутилий уже считался своего рода законодателем мод, и от заказов не было отбоя.

Но большую часть времени они проводили на вилле, в уединении и тишине. И Юлия-Медея скучала, скучала... Друзей у нее не было. Не считать же друзьями соседей — таких же неинтересных, немолодых и солидных людей, как Рутилий: Фуфиция, пятидесятилетнего скотозаводчика, который владел (о ужас, свинофермой!), Бибулона, сорокалетнего отца множества маленьких черноволосых бубилончиков и супруга столь же миниатюрной черноголовой, как галка, Месалы — эти, когда заходили в гости, ни о чем, кроме своих отпрысков, не разговаривали.

Визиты Бибулона были Юлии-Медеи особенно неприятны, потому что своих детей у нее не было. Может быть, оттого, что она не любила своего мужа, ведь дети рождаются от любви — так объясняла ей некогда мать. И Рутилий, конечно, знал об этом. Знал — но терпел холодность своей прекрасной супруги, ибо слишком хорошо понимал: не в силах столь юная и прекрасная женщина, рожденная для лучшей участи, полюбить неинтересного торговца шелковыми и атласными тканями.

Так проходили дни и годы, а затем, когда Юлия-Медея уже начала сматывать со своей участью и даже нашла в ней приятные стороны, случилось несчастье. Рутилий отправился на охоту вместе с Фуфицием и Бибулоном, чтобы настрелить уток ко дню рождения Юлии-Медеи (этот день всегда отмечался на вилле как большой праздник), но неудачно упал с лошади и скончался на месте.

Обескураженные, растерянные, разбитые несчастьем соседи принесли молодой вдове тело ее мужа. Юлия-Медея в ужасе уставилась на погибшего. Она словно увидела Рутилия со стороны — впервые. Перед ней лежал незнакомец. Разве этот человек делил с ней супружеское ложе? Разве эти посиневшие губы говорили ей слова любви — слова, оставлявшие девушку совершенно

равнодушной? Разве эти холодные, твердые, шершавые на ощупь руки ласкали ее тело?

— Боги! — вырвалось у Юлии-Медеи. — Наверное, на мне лежит проклятье! Что случилось?

— Госпожа, никто не успел помочь, — заговорил Фуфидий, стараясь, чтобы голос его звучал солидно, успокаивающе. «Наверное, таким тоном он рассуждает о достоинствах своих молочных порослят, когда предлагает мяснику партию на продажу», — подумала Юлия-Медея и залилась горькими слезами.

Жизнь показалась ей конченой.

— Однако теперь вы становитесь единственной наследницей большого состояния, — вмешался Бибулон. Будучи человеком семейным и более искушенным в общении с женщинами, он правильно оценил состояние Юлии-Медеи и нашел верные ключики к ее душе. — Госпожа, нет такого горя, которое нельзя было бы излечить деньгами.

Слезы высохли. Аристократка посмотрела на Бибулона с высокомерным негодованием.

— О чем вы говорите? — закричала она наконец, чувствуя, как от гнева немеют у нее кончики пальцев. — Как вы смеете произносить подобные слова? Здесь лежит тело моего мужа, едва остывшее, а вы толкуете мне о деньгах! Какое утешение? Кто заменит мне супруга?

— Я знаю, о чем говорю, — возразил Бибулон, ничуть не смущаясь. — И вы скоро признаете мою правоту. Несчастный Рутилий был хорошим человеком, и все мы скорбим об этой утрате. Однако земные дела, которые остались после него, продолжают жить и требуют к себе внимания. Конечно, если бы у вас были дети...

Он понял, что сболтнул лишнее, и прикусил язык, но было уже поздно. Юлия-Медея побледнела, вздернула подбородок.

— Я не желаю продолжать разговор в том же тоне — холодно произнесла она. — Мне бы хотелось остаться наедине с моим горем, в которое вы, мои соседи, почему-то не верите.

— Дорогая, мы вам верим, — попытался исправить положение Фуфидий. — Позвольте помочь вам хотя бы с похоронами...

— Я не нуждаюсь ни в вашей помощи, ни в вашей вере, — тон Юлии-Медеи сделался просто ледяным. — Пусть между нами не будет недоговоренностей. Да, я вышла замуж за Рутилия, не испытывая к нему особой сердечной склонности. Разница в возрасте, в воспитании, в имущественном положении делали это почти невозможным. Но я уважала моего супруга и привыкла к нему. Ничто не утешит меня в этой потере. И деньги — меньше всего! А теперь, господа, оставьте мой дом.

И соседи, обескураженные собственной бестактностью, поскорее удалились.

Юлия-Медея была на самом деле далеко не так уверена в себе, как представляла дело соседям. Она уже привыкла к тому, что все вопросы решал Рутилий. Куда поехать по делам или для развлечений, каким образом использовать деньги, даже какой наряд выбрать для красавицы-супруги — все это находилось в ведении Рутилия. А Юлия-Медея лишь подчинялась и пользовалась благами богатства и покоя.

Теперь все должно было измениться.

Похороны Рутилия состоялись в Шамаре, в храме Богини-Матери, которая должна была принять в свои ласковые объятия скончавшегося купца. Проводить Рутилия явилось довольно много народа: здесь были и знатные господа, и купцы-конкуренты, которые не скрывали радости при мысли о том, что находчивый и умный Рутилий не будет теперь стоять у них на дороге, и известные куртизанки, отдававшие немалые деньги за то, чтобы завладеть прекрасными нарядами из тканей Рутилия... Все они собирались у погребального ложа, бросая друг на друга украдкой негодующие взгляды из-под черных, низко опущенных капюшонов. Погребальный костер сложили из поленьев самых лучших сортов. Загорелось дружно и мощно, воздух

наполнился благоуханием — жрецы позаботились об этом заранее, и опрыскали древесину различными благовониями. Честный, хотя и скучный купец Рутилий навсегда скрылся в оранжевых языках пламени.

И Юлия-Медея осталась одна на своей роскошной вилле. Она не стала ликвидировать торговый дом Рутилия, но поручила дела управляющему, довольно ловкому и преданному малому. Раз в месяц он привозил ей отчет о делах и деньги.

Столь же аккуратно Юлия-Медея отправляла некоторую сумму своим родителям через верного слугу. У нее сложились странные отношения с ними, особенно с матерью: с одной стороны, молодая женщина была рада тому, как сложилась, в конце концов, ее жизнь; с другой — так до сих пор и не простила матери, что та «продала» ее богатому старику. Поэтому она избегала встречаться с родителями, и сама никогда не приезжала погостить в замок своих предков, и не приглашала родственников навестить ее на вилле. Эти две области ее жизни, былая и настоящая, по решению Юлии-Медеи, никогда не должны впредь пересекаться.

Мысль о том, чтобы все-таки восстановить древний замок, также не посещала молодую вдову. Словом, она была всем довольна и чувствовала себя уверенной и удовлетворенной.

Родственники в Шамара стали относиться к ней гораздо лучше после того, как она овдовела и унаследовала большое состояние.

«...все-таки происхождение остается происхождением, и неважно, за кем она была замужем...» — шептались теперь у нее за спиной. Юлия-Медея и бровью не вела, «...и родовита, и богата — не зевай!» — шипели мамашы своим холостым сыновьям, и те роем устремлялись следом за красавицей Юлией-Медеей, которая — следует отдать ей должное — оставалась совершенно равнодушной к их ухаживаниям. Она слишком хорошо знала им цену.

Развлечения, демонстрация нарядов, переговоры с иностранными купцами, наем проводников для собственных торговых караванов, длинные беседы с поверенными в делах — все это почти целиком поглощало Юлию-Медею и делало ее существование насыщенным.

Тем больше ценила она уединенную и спокойную жизнь на вилле, где некогда бывала так одинока и несчастна в первые годы замужества.

Эта вилла была выстроена, как уже упоминалось, в очень живописной местности. Кругом расстилались светлые, пронизанные солнцем леса. Две реки сливались в единый могучий поток, и над местом их слияния поднимался довольно высокий утес, сплошь заросший цветами. Этот луг особенно любила Юлия-Медея. Ей казалось, что она знает здесь наперечет каждый цветок: в начале лета робко распускаются маленькие сине-фиолетовые, затем вдруг вспыхивают среди них крошечные белые звездочки с душистым, пьянящим запахом. Но вот отцветают фиолетовые и закрываются звездочки, и луг неожиданно покрывается сочными желтыми пятнами — наступает середина лета. А в конце лета и почти до листопада пылают здесь красные цветы винного оттенка. И даже первый снег иногда падает на их лепестки, создавая поразительную гамму — тогда кажется, будто луг превратился в поле сражения, где снег запятнан кровью павших бойцов.

Здесь Юлия-Медея любила мечтать, глядя на солнце, медленно опускающееся за кромку леса. В водах реки играли солнечные блики, цветы источали резкий вечерний аромат. «Величава и могущественна природа, — думала Юлия-Медея, — и каждая травинка таит в себе божество. И все-таки мы пользуемся и травой, и древесиной, и заставляем насекомых выращивать для нас шелковые нити, чтобы одеваться в красивые платья. Удивительно!»

Эти мысли она не высказывала никому, боясь показаться глупой.

Не менее симпатичным, чем окружающая местность, был и дом. Деревянный, но очень большой, он был выстроен как бы в подражание замку. Здесь имелось множество забавных башенок, переходов между корпусами; под высокими остроконечными крышами, похожими наочные колпаки, прятались хорошо обустроенные мансарды. Был даже зимний садик — точнее,

оранжерея на крыше одного из зданий, куда можно попасть по навесному переходу.

Все тщательно выкрашено, а стены обтянуты тканями. На полах спален — ковры и шкуры животных, так что, спуская босые ноги с высокой кровати, Юлия-Медея погружала их в мягкий мех.

Здесь всегда было тепло. Одного камина было достаточно, чтобы обогреть несколько помещений. Особенно жарко топили в холодное время года в комнатах госпожи и в столовой. Слуги жили более скромно.

Слуг было несколько. Сплошь незаметные, тихие люди. Юлия-Медея знала, что могла на них положиться, — все они были по тем или иным причинам фанатично преданы памяти ее покойного супруга. Они считали ее «своей» — такой же верной Рутилию, как и они сами — ведь молодая красивая хозяйка даже не помышляла о том, чтобы снова выйти замуж! Разве это объясняется чем-то иным, кроме ее желания хранить верность Рутилию до самой смерти?

Возможно, они ошибались, но сути дела это не меняло — Юлия-Медея действительно не собиралась вступать в новый брак. Да, ее все устраивало.

Она даже начала наносить визиты соседям и подружилась с Месалой, женой Бибулона, которая взахлеб повествовала ей о радостях материнства. Юлия-Медея подозревала, что у Месала имеется определенный расчет: положим, Юлия-Медея особенно полюбит кого-нибудь из многочисленных отпрысков Месалы и Бибулона — так полюбит, что захочет сделать ребенку хороший денежный подарок... Например, даст приданое одной из дочек. Хотя бы одной! А уж удачно пристроив одну дочь, Бибулоны найдут способ осчастливить и всех остальных.

Поначалу эти тайные замыслы Месалы сердили Юлию-Медею, но со временем она привыкла к этому и даже перестала находить их нелепыми. В самом деле, почему бы не помочь одной бибулоночке выбраться в люди! Разве сама Юлия-Медея не пробралась наверх из кромешного мрака нищеты подобным же способом? И она выразила желание одарить приданым старшую дочь Месалы, Месалу-маленькую.

В тот вечер она возвращалась домой в прекрасном настроении. Лошадка, на которой ехала Юлия-Медея, бежала легкой рысью. Дорога, хорошо наезженная и знакомая, словно бы сама стелилась под копыта лошадки. Мимо проплывали леса, уже темные, но хорошо освещенные ярким лунным светом. Юлия-Медея не испытывала ни малейшего страха перед темнотой и лесом, где могут водиться дикие звери. Дикие звери? Какая глупость! Они совершенно не опасны. В конце концов, Юлия-Медея здесь у себя дома.

Радость Бибулона, когда вдова Рутилия объявила о своем решении, была такой искренней, такой глубокой, что Юлия-Медея и сама растрогалась. Этот человек, ее сосед, чья практичность в свое время так оскорбила Юлию-Медею, не считал нужным притворяться. Да, он безмерно счастлив знать, что судьба одной его дочери будет удачной. «Деньги решают в нашей жизни почти все», — сказал Бибулон, и теперь Юлия-Медея ему поверила.

А девочка, пока что мало понимавшая в таких вопросах, как приданое и удачное замужество, просто догадалась, что красивая соседка сделала для нее что-то очень хорошее, и прижалась своей угольно-черной головенкой к коленям Юлии-Медеи. Погладив гладкие блестящие волосы девочки, Юлия-Медея загрустила: ей и в самом деле хотелось бы завести ребенка. Но теперь было уже поздно.

Разве что она еще раз выйдет замуж...

Но мысль об этом показалась ей противной.

Итак, она простились с соседями и в наилучшем расположении духа. Ночная скачка, свежий ветерок и влажная тьма леса бодрили молодую женщину, вселяли в нее жажду жизни. Ей чудилось, будто все у нее еще впереди, будто ее ждет какое-то прекрасное, волнительное приключение... и, может быть, любовь.

Но когда она подъехала к воротам своей виллы, это настроение внезапно исчезло. Оно испарилось стремительно, как туман под жаркими лучами утреннего солнца. Двое слуг беспокойно ждали ее у ворот, переминаясь с ноги на ногу и отводя глаза.

— Что случилось? — спросила Юлия-Медея, чувствуя, что сердце у нее упало.

— Госпожа... — заговорил один, но одновременно с ним начал и второй:

— Как бы сказать...

Оба замолчали, вопросительно глядя на Юлию-Медею.

Она кивнула подбородком своему дворецкому:

— Говори ты. Что случилось?

— Госпоже лучше увидеть самой, — пробормотал дворецкий.

— Кто-нибудь погиб? Вы нашли мертвое тело? — испугалась Юлия-Медея.

— Нет, нет! — хором заверили оба слуги. — Просто... неприятное. Странное. Такого раньше никогда не было.

Юлия-Медея поехала шагом по аллее, ведущей к дому. Темные стволы деревьев, как молчаливые часовые, словно бы провожали ее взглядами. С каждым шагом тоска все сильнее сжимала сердце молодой женщины. Только-только она привыкла к своему положению, только-только наладилась ее трудная, странная жизнь — и вот опять что-то случилось! Она ожидала увидеть что угодно, но только не то, что предстало ее взору.

Весь фасад дома был размалеван странными знаками и рисунками. Кто-то очень торопился, нанося кистью эти изображения. Но в их смысле усомниться было невозможно. Различные адские порождения таращили выпученные глаза и скалили окровавленные пасти. То тут, то там мелькала лапа с растопыренными когтями. Жуткие существа грозили со всех сторон, их глаза следили за каждым шагом обитателей виллы. Надписи были сделаны на неизвестном языке, но в самом шрифте угадывалась угроза.

— Что это? — прошептала Юлия-Медея.

— Госпожа, мы не знаем! — в отчаянии ответил дворецкий. — Никто из нас не видел, как это появилось! Кухарка разбирала овощи, горничная приводила в порядок ковры, работая на заднем дворе. Садовник находился в оранжерее. Я чистил серебро. Еще двое слуг были в конюшне. Мы не слышали ни звука. Тот, кто это сделал, ходил бесшумно и сотворил свою черную работу очень быстро.

— Кухарка говорит, что такие знаки могут выступить и сами по себе, — бледнея, прошептал второй слуга.

Юлия-Медея резко повернулась к нему.

— Что ты слышал об этом? — спросила она властно. — Говори!

— Ну, она говорит... если на доме проклятье... то оно никуда не девается. Живет в стенах, в крыше дома. В общем, в самом естестве здания, — пояснил слуга. — Ну, это так люди говорят. Я сам никогда не видел.

— Проклятье? — испуганно переспросила Юлия-Медея. — Но я никогда не слышала ни о каком проклятии!

Дворецкий испепелил слугу взглядом. Тот поежился, покраснел до ушей, но упрямо повторил:

— Говорили... А проклятье ждет своего часа. И когда этот час наступает — а об этом никто из смертных не знает — оно тут как тут. Ну, проклятье. Выходит наружу и заявляет о себе во весь, так сказать, голос. Вот оно и прступило. Само по себе.

— Что за проклятие? — повысив голос, повторила вопрос госпожа.

— Убирайся под лед, в ад! — закричал дворецкий на слугу, потеряв самообладание и,казалось, совершенно позабыв о том, что находится в присутствии хозяйки.

Слуга съежился, словно еж, свернувшись в клубок, и попытался удрать, но Юлия-Медея остановила его окриком:

— Стоять! Он замер.

Дворецкий закусил губу. Он видел, что теперь поздно — придется рассказывать обо всем.

— Кто из вас двоих объяснит мне, о каком проклятии болтает этот несчастный скудоумный малый? — высокомерным тоном осведомилась Юлия-Медея. Когда в ней просыпалась дочь древнего аристократического аквилонского рода, слуги предпочитали не спорить.

Дворецкий сдался.

— Я сообщу госпоже обо всем, что слыхал. Не утаю ни словечка, госпожа!

— Я слушаю, — молвила Юлия-Медея, не покидая седла. Лошадка в темноте тихонько храпела и переступала с ноги на ногу. Луна ярко освещала отвратительные рисунки на фасаде дома. Юлия-Медея боялась переступить порог своего оскверненного жилища — ей казалось, что и внутри там теперь нечисто. Подумать только, чьи-то грязные руки трогали стены ее любимого дома!

— Госпожа, это случилось еще до того, как господин Рутилий приобрел это здание, — начал дворецкий.

— Что? — удивилась Юлия-Медея. — А разве этот дом не был построен по приказу моего мужа?

— Нет, госпожа. Он купил его перед тем, как задумал жениться. Конечно, многое тут было переделано. Прежде эта вилла принадлежала господину Филодаму, известному ювелиру. Он обладал особым даром — оценивать необработанные камни. Покупал по дешевке непривлекательного вида булыжники, а потом обрабатывал их таким образом, что знатные дамы Аквилонии и Бритунии дрались за них, словно уличные торговки, такая это получалась красота.

Аристократка Юлия-Медея без всякого удовольствия выслушала подобное описание «знатных дам Аквилонии и Бритунии», хотя втайне понимала, что они действительно могут вести себя хуже уличных торговок.

— Продолжай, — сказала она, задирая брови.

— Слушаюсь, госпожа, — дворецкий поклонился. — Господин Филодам не был женат, однако при нем жили его ближайшие родственники, племянник по имени Рубрий и его супруга, довольно смазливая бабенка, но легкомысленная. То и дело принималась строить глазки соседям и даже молодым слугам. Рубрия мало беспокоило поведение жены. Он был целиком поглощен мыслями о состоянии дядюшки. А дядюшка, человек добрый, великодушный, любящий искусство...

— Вы были с ним знакомы? — перебила Юлия-Медея.

— О, да! — кивнул дворецкий. — Несколько раз мой прежний господин, Рутилий, делал у него заказы. И это ожерелье, которое он преподнес вам в день свадьбы, — тоже работы Филодама. Я неплохо знал его, госпожа.

— Что же с ним случилось? — спросила Юлия-Медея. У нее было такое неприятное ощущение, словно она уже заранее знает ответ.

Дворецкий медленно и печально кивнул, отвечая ее тайным мыслям.

— Да, госпожа, именно это и произошло. Господин Филодам был убит в собственном доме. Поначалу предполагали, что это сделали грабители, которые пробрались на виллу, потому что пропало несколько очень драгоценных предметов. Но затем истина всплыла на поверхность. Это злодеяние было задумано и осуществлено Рубрием и его женой. Проклятая женщина соблазнила господина Филодама, пробралась в его постель и там заколола ножом.

Когда злодеев изобличили, муж попытался все свалить на жену. Та же оправдывалась тем, что ее-де пытались изнасиловать, и она защищалась. Но наш садовник и еще двое слуг дали

показания в суде и сообщили, что эта женщина неоднократно предлагала свои сомнительные услуги молодым людям, делая это недвусмысленно, если не сказать бесстыдно.

Словом, убийцу четвертовали на площади...

— Погодите, — Юлия-Медея наморщила лоб. — Мне кажется, я что-то слышала об этом... Какую-то женщину четвертовали, когда я была девочкой. Родители поспорили, стоит ли идти смотреть на казнь. Маме очень хотелось пойти. Она всегда придерживалась крайне строгих правил и приветствовала любую расправу с прелюбодееками. Она и меня воспитывала точно так же. А вот отец воспротивился. Сказал, что его когда-то водили посмотреть казнь и что он с тех пор не может убить даже кролика, не то что человека. Мол, незачем пугать меня больше, чем это требуется. Отец считал меня послушной девочкой. Родители тогда сильно поссорились и два дня потом не разговаривали, а я страдала и от души проклинала эту злодейку, которая даже своей казнью ухитрилась причинить людям неприятности.

— Да, это была она, — подтвердил дворецкий. — У вас, госпожа, удивительные родители. Жаль, что вы редко о них говорите и никогда не приглашаете их жить на виллу. Впрочем, — быстро поправился он, — это не мое дело. Простите великодушно болтливого старика.

— Рассказывайте дальше об этом убийстве, — велела Юлия-Медея. — Что случилось с племянником, с этим Рубрием? Я не помню, чтобы одновременно с женщиной казнили и мужчину.

— Это так, — сказал дворецкий. — Рубрия как сообщника осудили и отправили на галеры. С тех пор никто больше о нем не слышал. Однако вилла несколько лет простояла пустой. Там не хотели жить ни слуги, ни арендаторы. В народе говорили, будто на доме почивает проклятие. Будто бы Филодам перед смертью изрек страшные слова, призывая кару богов на головы тех, кто решится жить под этой кровлей.

— Любопытно, — проговорила Юлия-Медея.

— Когда господин решил взять себе в жены прекрасную юную девушку знатного рода, — продолжал дворецкий, делая довольно изящный поклон в сторону госпожи, — он собрал слуг и объявил нам о желании купить новый дом. «Прекрасный драгоценный камень нуждается в соответствующей оправе», — сказал господин.

На глазах Юлии-Медеи выступили слезы.

— Рутилий как живой, — прошептала она. — Основательный, надежный. Он и моим родителям сказал то же самое, словно в слово. О, как нам всем не хватает его!

Дворецкий выглядел так, словно вот-вот кинется целовать ноги госпожи за эти слова. Однако он сдержал порыв и величаво опустил голову.

— Истинная правда, госпожа. Его выбор остановился на «проклятой вилле». К этому времени здание несколько обветшало, а слухи о проклятии опустили цену за здание. Рутилий заплатил за него сущие гроши. Некоторое время потратили на отделку помещений, но в целом вилла оказалась достаточно хороша. Она тысячекратно оправдала затраты.

— Но ни о каком проклятии я никогда не слышала! — сказала Юлия-Медея.

— Господин настрого запретил слугам болтать об этом, — объяснил дворецкий.

— Однако и соседи ничего не рассказывали.

— Господин попросил их молчать.

— Понятно, — вздохнула Юлия-Медея.

— И действительно, жизнь здесь выглядела счастливой и безмятежной, — продолжал дворецкий. — А потом случилось несчастье. И вот — очевидное напоминание о проклятии. Возможно, оно все-таки существует.

Лошадка беспокойно заплясала на месте, как будто тревога всадницы передалась и ей. Юлия-Медея тут же натянула поводья.

— И что же мне теперь делать?

— Не знаю, госпожа. Возможно, стоит нанять какого-нибудь хорошего мага, который в состоянии разобраться в происходящем.

Так Юлия-Медея и поступила. На следующий день она выбрала из своего обширного гардероба платье из строгого темно-синего атласа, бархатный плащ с меховой оторочкой, велела оседлать любимую гнедую лошадку и отправилась в Та-рантию. Она ехала совершенно одна, без сопровождения. Ей не хотелось привлекать к себе лишнее внимание.

К тому же она не до конца поверила в историю, рассказалую дворецким, и очень боялась выставить себя в смешном положении перед слугами. Если маги в столице поднимут ее на смех, и ей придется уехать из Тарантии ни с чем, слугам совершенно незачем об этом знать.

* * *

Гостиница под названием «Зеленый вепрь», расположенная почти в самом центре Тарантии, пользовалась заслуженным успехом у купцов и магов. Это было солидное заведение, где не разбавляли ни эль, ни вино, а жареные утки и гуси неизменно оказывались жирными, упитанными, и костей в них бывало, судя по впечатлению, куда меньше, чем в их собратьях из дешевых забегаловок.

Разумеется, в таком месте, как «Зеленый вепрь» не потерпели бы бродягу-наемника, одетого в лохматый пастущий плащ из свалившейся и засаленной овечьей шкуры и кожаные штаны. Но в данном случае было сделано исключение. При особе наемника находилась другая особа, куда более важная и чисто одетая — маг средних лет, располагающий не только приятной внешностью, но и весьма упитанным кошельком. На таких условиях и киммериец-варвар был допущен к общей трапезе.

Маг усился за столиком возле самого выхода. Киммериец плюхнулся напротив него. Хозяин «Вепря» предположил, что киммериец — нечто вроде слуги и телохранителя при маге и потому заговорил с магом почтительно, а на варвара демонстративно не обратил внимания:

— Угодно ли господину подкрепиться?

— И подкрепиться, и комнаты, — подал голос киммериец.

Хозяин не подал виду, что слышит.

— Угодно ли господину жареное мясо?

— И эля, — снова заговорил киммериец. Маг кивнул, безмолвно подтверждая слова своего спутника.

Когда хозяин, всем своим видом демонстрируя недовольство, удалился, киммериец обратился к «господину»:

— Что это с ним, Ианитор? Неужели мы опять попали в высшее общество?

— Видимо, он считает твой наряд слишком вызывающим для такой элегантной таверны, как эта, — отозвался Ианитор. — В столицах живут странные люди, Конан. У них своеобразные понятия о приличиях.

Конан фыркнул.

— Кабак как кабак, ничего особенного.

— Если ты заметил, друг мой, здесь собираются почти сплошь купцы и маги. Это место отличается от тех, где встречаются воры и наемники.

— Может быть, — не стал спорить Конан. — Все равно, это глупо. Когда я помогал тебе

удрать с галер, никого не интересовало, насколько высокое положение в обществе я занимаю.

— Тише, — прошипел Ианитор. — Не стоит говорить об этом во весь голос.

— А я и говорю тихо, — возразил Конан. — Когда я говорю во весь голос...

— Знаю, знаю, — зашептал Ианитор. — Когда ты говоришь во весь голос, деревья пригибаются к земле, трава вянет, не дождавшись осени, а кувшины лопаются. Но все-таки постараитесь вести себя потише. В таких местах, как это, не приветствуются побеги с катогри.

— Не понимаю, почему, — проворчал Конан. — Мы проявили отвагу и хитрость, а это удается далеко не каждому. Ну да ладно, у каждого свои странности. Ты уверен, что этот франт говорил правду?

— Насчет статуи? — совсем тихо отозвался Ианитор. — Да. Он пошел на убийство ради этой вещи.

— Надо было перерезать ему горло, — сказал Конан. — От такого подлого уродца можно ожидать любой пакости. Почему ты не убил его перед тем, как сбежать?

— Не успел, — хмуро ответил Ианитор. — Я очень спешил, понимаешь?

— Это же мгновенное дело, — Конан и не думал проявлять понимание. — А теперь нам придется озираться по сторонам и думать: не опередил ли нас маленький хорек, не подстроил ли нам ловушку.

— О чем ты говоришь? — удивился Ианитор. — Он остался на галерах. Вряд ли ему удастся то, что не без труда удалось нам.

— Не стоит недооценивать врагов, — отозвался варвар. — Это одно из главных моих правил. Благодаря ему я все еще брошу по свету и представляю опасность для моих врагов.

— И для друзей тоже, — сказал Ианитор, — особенно когда ты гудишь на всю таверну об убийствах и побегах с катогри.

В этот момент появилась служанка, хмурая особа, весьма плотная и краснощекая. Длинное платье из желтого полотна обтягивало ее, точно броня.

Конан не без удивления отметил, что, кажется, впервые в жизни видит нестарую трактирную служанку, которая не вызывает у него никаких эмоций.

Женщина поставила на стол перед посетителями блюда с мясом, подала эль и кружки и удалилась. Конан восхищенно проводил ее глазами.

— Вот это задница, — заметил он «вполголоса». — Клянусь Кромом, должно быть, хозяин колет на ней дрова.

Краем глаза киммериец видел, как двое почтенных купцов, доселе ведших неспешную, исполненную глубокого смысла беседу, вдруг замолчали, посмотрели в сторону уходящей служанки и обменялись улыбками.

«Ага, начинается, — злорадно подумал киммериец. — А то не трактир, а какое-то собрание пожилых девственниц». -

— Вернемся к делу, — нервно заговорил Ианитор. — Следует поспешить. Мы и так с тобой задержались в Коринфии...

— Мы? — фыркнул Конан. — Мы бы были в Тарантии еще в начале весны, если бы ты не польстился на то дело с вызыванием духов.

Ианитор медленно покраснел.

— Бедная женщина желала общаться с умершими родителями. Как я мог отказать ей?

— Как ты мог отказать ей, такой соблазнительной красотке с розовой грудью и каштановыми кудряшками? — передразнил Конан.

— Она неплохо мне платила, — отрезал Ианитор. — В конце концов, нам нужны были деньги. Без денег мы не добрались бы до Тарантии.

— Ну, во-первых, еще как добрались бы,

протянул Конан и сунул в рот огромный кусок мяса. Жуя, он продолжил, нимало не стесняясь того, что говорит с набитым ртом: — А во-вторых, если тебе уж так нужны деньги, их всегда можно украсть или забрать с трупа...

Еще несколько посетителей обменялись быстрыми взглядами и как-то очень уж поспешно допили вино. У них, по всей вероятности, нашлись неотложные дела в городе, потому что вскоре они покинули таверну.

Это также не осталось без внимания киммерийца. Он развеселился.

— Ну ладно, — примирительным тоном сказал он своему приятелю-магу, — в конце концов, тебе нужно было отдохнуть и развлечься. Я рад за тебя. Но все-таки я не уверен, что Рубрий до сих пор гнет спину над веслом. Охрана на «Лилиях Бэлит» была не на высоте. Прямо скажем, из рук вон плохо поставлена там охрана. А после того, как мы с тобой убрали трех надсмотрщиков...

— Конан! — вскрикнул Ианитор.

— Хорошо, хорошо. — Киммериец приложился к элю и замолчал. Ианитор с облегчением воспринял эту передышку. Конан и сам не знал, для чего дразнит приятеля.

С Ианитором судьба свела их на галерах. «Лилия Белит» была хорошей быстроходной галерой, но Конан по понятной причине расстался с ней без сожаления. Ианитор, который был его соседом по скамье, бежал вместе с киммерийцем. Судьба третьего их соседа, Рубрия, оставалась для них неизвестной.

Рубрий не правился обоим. Он все болтал и сетовал на судьбу. Однажды он рассказал товарищам занятную историю о статуе из драгоценных камней.

— Мой дядя — сущий болван, но руки у него были золотые, — захлебывался Ианитор. — Если ты, Конан, отдашь мне половину своей похлебки, я расскажу тебе такое... Такое, чего ты никогда не слышал!

— Ты рискуешь, — ответил великан-киммериец. — Потому что я слышал почти все из того, что происходит на свете.

— Нет, правда, — настаивал Рубрий. — Это действительно удивительная вещь.

— Я отдам тебе свою порцию, — вмешался Ианитор.

— Ну и напрасно, — проворчал варвар. — Если ты не будешь хорошо питаться, ты умрешь на этом весле.

— Не умру, — твердо возразил Ианитор. — Мне хочется услышать байку. Тут очень скучно, ты не находишь?

— Трюм и подвал — скучнейшие места в мире, — согласился киммериец. — Но не настолько, чтобы ради развлечения я расстался с едой.

— Ну а я рискну, — сказал Ианитор. — Ешь, Рубрий, и рассказывай дальше.

— Мой дядя Филодам создал статую из цельного кристалла изумруда. Это женщина, изображенная в полный рост. Не слишком высокая. Миниатюрная женщина. Приблизительно мне по грудь, а киммерийцу по пояс. Камень без единой трещинки, прозрачный. Когда луч солнца попадает на него, он весь светится. Вы даже представить себе не можете, какая это красота!

— Не можем, — сказал Конан, чавкая.

— Не смейся, — умоляюще молвил Рубрий. — Я видел ее. Дядя работал над ней почти всю жизнь, с ранней юности. Он шлифовал и полировал камень по целм дням.

— Для чего? — спросил Ианитор.

— Вряд ли он хотел продать ее, — сказал Рубрий. — За эти годы он успел влюбиться и в камень, и в свое творение. Я предполагаю, что он хотел передать ее какому-нибудь магу и постараться с его помощью оживить статую. Изумрудная красавица должна была украшать его

жизнь, наполнять ее смыслом.

— Крупные и красивые драгоценные камни обладают огромной магической мощью, — кивнул Ианитор.

— Тебе видней, — заметил Конан. В этих словах крылась довольно злая ирония: дело в том, что Ианитор попал на каторгу из-за махинаций с магическими искусствами. Будучи недоучкой и неудачником, он взялся исцелить застаревшую подагру у одного из уважаемых граждан Коринфии, но в результате превратил того в странное существо, похожее на гриб. Наследники были в восторге, однако власти Коринфии быстро схватили незадачливого целителя и отправили его на галеры.

— Ради этого камня я пошел на преступление, — шептал Рубрий, давясь жидкой похлебкой, в которой плавали какие-то неопределенные куски съестного. — Я потерял жену. Бедняжку четвертовали на площади. Я пожертвовал жизнью дяди, которого по-своему любил.

— Да, это большая жертва, — сказал Ианитор. — Хватит проливать жидкие слезы! Мы же все равно не верим твоим чувствам. Не верим? Конан! — Он подтолкнул товарища под локоть.

Конан помотал длинными черными волосами.

— Раскаяние убийцы — такая же дешевка, как любовные признания шлюхи, — авторитетно ответил киммериец.

— Я не раскаиваюсь в том, что убил дядю и подверг свою жизнь опасности! — вспыхнул Рубрий. — Я раскаиваюсь только в том, что попался так глупо.

— А статуя? — спросил Конан. У варвара была удивительная особенность: он всегда схватывал самую суть происходящего, не размениваясь на мелочи и детали.

— Статую я спрятал сразу после того, как дядя отправился к праотцам.

— Стало быть, она до сих пор на месте... — протянул Конан.

Рубрий неожиданно почувствовал себя нехорошо. Но из-за чего бы ему беспокоиться? Они все трое надежно прикованы к полу галеры, их охраняют дюжие надсмотрщики, галера находился в полулиле от берега. Да если Конану с Ианитором и удастся бежать, как они найдут тайник?

Правда, им известно имя Рубрия... Теперь убийца мысленно клял себя на все корки. Он успел достаточно изучить Конана, чтобы понимать: верзила-киммериец способен решительно на любой поступок, даже самый невероятный. Особенно если чует запах наживы. Особенно — если это не обычная нажива, а нечто невероятное, поразительное. Вроде статуи из цельного изумруда.

Худшие опасения Рубрия оправдались через несколько дней. Конан и его сосед-маг бежали, оставив после себя три трупа.

Они спешili и не видели, какова судьба третьего их сотоварища по несчастью. Рубрий мало беспокоил Конана. Невысокого роста, жилистый и выносливый, аквилонец Рубрий казался сущим карликом по сравнению с гигантом, уроженцем ледяных киммерийских гор. Конан был уверен, что при случае справится с ним одной рукой.

Однако Ианитор время от времени спохватывался и принимался призывать товарища к бдительности. Ианитор был совсем не так убежден в том, что удача в любом случае окажется на их стороне.

— Нам нужно лишь добраться до Аквилонии и поспрашивать там о преступнике по имени Рубрий, чья жена была публично четвертована, — уверял Конан. — Я не сомневаюсь в том, что в Аквилонии найдется немало лакомых охотников поглазеть на публичную казнь женщины, да еще такую жестокую. Эти господа до сих пор лелеют в памяти все кровавые подробности. Они охотно поделятся с нами воспоминаниями и оживят в памяти любезные сердцу картины.

Имея такой, не вполне определенный план действий, приятели добрались наконец до

Аквилонии и временно обосновались в Тарантии, в «Зеленом вепре» — благо денег, заработанных Ианитором в Коринфии, хватало.

* * *

Юлия-Медея решила не останавливаться ни у кого из своих прежних знакомых или родственников мужа; ей не хотелось рассказывать о том, что произошло. Еще бы! Ее попросту поднимут на смех. Начнут опять шептаться за спиной: «Была такая гордая, такая самостоятельная! Отказала и тому, и этому, захотела жить одна — а вот теперь перетрусила и прибежала за помощью! Ну уж, красавица, погоди — попляшешь ты у нас!» При одной только мысли о подобном Юлия-Медея кусала губы и бледнела.

Нет! Она поступит иначе. Она поедет туда, где вероятнее всего встретить мага, и найдет какого-нибудь волшебника. Заплатит ему за работу. Пусть выяснит, действительно ли лежит на доме проклятие. И если это так — а Юлия-Медея сейчас почти не сомневалась, что именно так все и обстоит — то пусть снимет злые чары. И никаких разговоров у нее за спиной не будет. Хозяйка платит, работник выполняет работу. Вот и все.

Однако составить такой план куда проще, чем реализовать его. Входя в таверну, Юлия-Медея уже не была так уверена в себе. Она заняла столик у стены, попросив хозяина позаботиться о том, чтобы ее не беспокоили, и заказала стакан красного вина и кувшин с водой. Она боялась пить неразбавленное вино.

Потягивая из стакана, Юлия-Медея украдкой разглядывала собравшихся. Здесь, несомненно, имелись маги. Нескольких она сразу определила — по благосклонным и проницательным взорам, которые те устремили на одинокую женщину. Ей доводилось встречать практикующих магов в высшем свете — они все смотрели именно так. Но что-то в них не вызывало у Юлии-Медеи доверия. Возможно, слишком откровенный способ зазывать клиентов.

По мнению Юлии-Медеи, истинный профессионал должен выглядеть совершенно иначе. Но где его найти и как определить? Она задумчиво сплетала и расплетала пальцы, а в уме у нее мелькали самые разные варианты возможного развития событий. Не давать же объявление через глашатая!

— Какая красотка! — почти тотчас заметил ее Конан.

— Где? — Ианитор оглянулся и тихо присвистнул. — Ты прав! Что такая женщина делает в таком месте?

— Ищет мужчину, — уверенно ответил Конан.

— Не смеши меня, варвар! Такой женщине незачем искать мужчину.

— Говорю тебе, у нее точно какие-то неприятности, и она ищет мужчину, который поможет ей справиться с ними, — настаивал Конан. — Посмотри на нее! Она беспокоится. Более того, она чего-то боится! При каждом звуке вздрагивает и озирается.

— Ну так что ты сидишь? — фыркнул Ианитор. — Спасать красавиц — твое любимое занятие. Иди и предложи ей свои услуги. Она наверняка хорошо за них заплатит.

— Может быть, — согласился Конан и поднялся из-за стола.

Женщина в испуге глядела, как огромный варвар неспешно приближается к ней. Конан двигался плавно, грациозно, что выглядело удивительным, если принять во внимание громаду мышц и высокий рост. При взгляде в искрящиеся весельем синие глаза киммерийца Юлия-

Медея неожиданно успокоилась. Кем бы ни был этот устрашающий с виду варвар, он никогда не причинит зла женщине.

— Садись, — сказала она, кивая на скамью напротив. — Ты ведь хотел поговорить со мной?

— По-моему, это ты хотела поговорить со мной, — отозвался Конан, с удовольствием плюхаясь за столик. Он протянул загорелую ручищу, схватил стакан, из которого пила Юлия-Медея, понюхал и сморщился. — Зачем ты травишь себя этой кислятиной?

— Это аквилонское вино, — ответила женщина. — Я разбавила его водой. Неловко было заказывать одну только воду.

— Да уж, с обслуживанием у них тут дела из рук вон плохи, — весело согласился Конан. — Ты уже видела их служанку? Не женщина, а наковальня. Оплот общества.

Юлия-Медея почти против воли улыбнулась. Определенно, этот варвар начинал ей нравиться.

— Не то что ты, — Конан перегнулся через стол и окатил Юлию-Медею запахом эля и чеснока. — Ты настоящая красотка. И такая нежная! У меня к тебе один вопрос, милая: что ты здесь делаешь?

— У меня неприятности, — вымолвила Юлия-Медея.

— Я так и понял, — выдохнул Конан и снова сел прямо.

Юлия-Медея смотрела на него так, словно он уже баюкал ее в своих объятиях, приютив на широкой крепкой груди. Давно уже она не испытывала такого чувства. Это было ощущение полного покоя, совершенной защищенности. Она думала, что все это осталось в далеком детстве, когда родители, особенно отец, Туллио, представлялись ей всесильными, способными защитить ее от любых бед, страхов и неприятностей.

— Если ты попала в беду, рассказывай мне все, — заявил Конан. — Думай обо мне как о своем брате или о своем любовнике, это уж как тебе милее. Мне бы, конечно, хотелось последнего. Но и брат из меня неплохой, можешь поверить.

— А как насчет наемника? — слабо улыбнулась Юлия-Медея.

Конан гулко ударил себя кулаком в грудь.

— Скала! — объявил он. — Особенно если ты хорошо платишь. Судя по твоему ухоженному виду, ты богата.

— Да, это так, и за деньгами не постою. Я не уверена, что опасность угрожает моей жизни, но... То есть, эта опасность, возможно, не реальная... то есть, она, вероятно, призрачная...

Конан накрыл ее белую тонкую ручку своей широкой лапищей и доверительно улыбнулся, сверкнув здоровыми белыми зубами.

— Погоди-ка, моя радость. Давай с тобой закажем хорошего, доброго эля и согреемся. Потом ты расскажешь мне все по порядку, а уж насчет того, какая именно опасность тебе угрожает, буду решать я. Тебе же требуется принять одно решение: нанимаешь ты меня или нет.

— Да! — выпалила Юлия-Медея с такой горячностью, что оба, и Конан, и женщина рассмеялись.

— Отлично, — сказал варвар. — Со мной приятель, — он оглянулся на тот столик, за которым остался Ианитор. — Если ты не возражаешь, он присоединится к нам. Он маг — не слишком удачливый и не очень-то опытный, но старательный малый. Не поручусь за его честность, но ради денег он способен на многое. О прочем позабочусь лично я.

— О чем прочем? — удивилась Юлия-Медея.

— Ну, например, о том, чтобы он нас не предал. Он хорошо знает, что в случае чего я попросту сверну ему шею, — обворожительно улыбаясь, пояснил киммериец.

— Маг, — протянула женщина. — Определенно, боги ответили на все мои мольбы.

— Только не говори, что ты искала именно магической помощи, — взмолился Конан. —

Скажи, что тебе нужен громила-телохранитель!

— Боюсь, мне потребуется именно маг, — вздохнула женщина. — Но это ничего не значит. Громила-телохранитель будет тоже очень кстати.

— Понял. — Конан встал и замахал руками Ианитору. — Давай сюда, друг! — закричал он. — Тут есть интересное дельце!

Ианитор застонал от досады, но встал и прихватил со стола недоеденное мясо и кувшин, наполовину еще полный эля. Когда переселение завершилось, и хозяин «Зеленого вепря» принес по просьбе Юлии-Медеи еще один кувшин эля, начался настоящий разговор.

— Я вдова, — начала Юлия-Медея, — и на моем доме лежит проклятие.

Она начала рассказывать. Когда повествование дошло до имен Филодама и Рубрия, Конан и Ианитор быстро переглянулись. Кажется, Юлия-Медея не ошибалась, когда говорила, что эту встречу в «Зеленом вепре» подстроили для них сами боги!

— Проклятие, — вкрадчиво заговорил Ианитор, — можно снять. Нет ничего проще. Для этого храбрый и вооруженный знаниями маг должен провести ночь в твоем доме. Один. Тебе придется удалить оттуда всех слуг, чтобы ничто не мешало магическому пиединку с темными силами.

— Так ты считаешь, что мой дом действительно проклят? — ужаснулась Юлия-Медея.

— Ну а что там еще может происходить, моя драгоценная прелесть? — развязно осведомился Ианитор. Конан подумал, что если таким тоном Ианитор соблазнял коринфскую красавицу, для которой устраивал сеансы связи с потусторонним миром, то об уме и вкусе этой девицы нельзя сказать ничего хорошего.

— Темные силы... — прошептала Юлия-Медея. — Всю жизнь меня преследуют силы, природу которых я не понимаю...

— Скоро этому придет конец, — заверил ее Ианитор. — Положись на нас, красавица.

Конан молча кивнул. Юлия-Медея поднялась.

— В таком случае, не будем терять времени. Отправимся на виллу и посмотрим, что там можно сделать. С каждым днем проклятие все глубже въедается в стены моего дома, а мне бы не хотелось покидать его навеки.

— Этого не произойдет, — заверил ее Конан. — Только вот что... — Он широко зевнул и потянулся. — Предлагаю провести здесь ночь. Отдохнуть и выспаться, чтобы отправиться в путь со свежими силами.

— Тебе бы только есть да спать, — укорил его Ианитор.

— Увы, в этом смысл моего существования, — фыркнул Конан.

— Он врет, — сказал Ианитор Юлии-Медеи. — На самом деле он хочет стать королем.

— Похвальное желание, ваше величество, — улыбнулась Юлия-Медея.

Синие глаза широко раскрылись, а губы варвара растянулись в ухмылке.

— Ты поразительная женщина, — сказал Конан Юлии-Медеи. — Клянусь Кромом, ты мне нравишься, и я не буду иметь ничего против, если эту ночь ты проведешь в моих объятиях. Обещаю, они будут нежными, как аренджунская халва, и надежными, как аргосская кутузка.

Юлия-Медея засмеялась и кивнула.

— Я согласна, — просто сказала она.

Ианитор посмотрел на Конана с плохо скрытой завистью.

Всю дорогу до виллы Конан раздумывал о случившемся. Были ли простым совпадением их побег с каторги, неожиданная смерть мужа Юлии-Медеи, появление загадочных рисунков на стенах ее дома? Или за этим стоит чья-то злая воля? Конан, как это ни странно, не был суеверен. Многие образованные и цивилизованные люди, жители больших городов, были куда более суеверны, нежели варвар из диких гор Киммерии. Конан почти не верил в приметы и редко считал совпадения выражением воли богов. Он предпочитал искать всему разумное объяснение и зачастую оказывался прав: больше половины таинственных случаев были делом рук злонамеренных людей, которые преследовали свои корыстные цели.

Теперь Конан почти окончательно уверился в том, что Рубрий сумел скрыться с галеры сразу вслед за тем, как ее покинули Конан и Ианитор. Не следовало им задерживаться в Коринфии. Пока Ианитор наслаждался любовью одураченной красавицы, а Конан пропивал деньги, заработанные приятелем, в лучших кабаках, в компании лучших куртизанок Коринфии, Рубрий не терял времени даром.

Проклятый коротышка! Кто бы ожидал от него подобной прыти!

— Как погиб твой муж, Юлия-Медея? — спросил Конан, приблизившись на своем вороном к всаднице на гнедой лошадке.

В утреннем свете красота женщины поистине сверкала: сияли ее золотые волосы, выбивающиеся из-под капюшона, сверкали зеленые глаза, светлой медью вспыхивали брови и ресницы. А еще — и это тоже было заметно — вчерашняя ночь явно пошла ей на пользу: с ее лица исчезло кисловатое выражение, какое появляется даже у самых привлекательных женщин, которые слишком долго живут в одиночестве, без мужчины.

— Почему ты спрашиваешь об этом, Конан? — удивилась Юлия-Медея.

— Есть причина, — сказал Конан твердо. — Расскажи мне об этом подробно.

— Он отправился на охоту с двумя своими старыми друзьями, нашими соседями, Бибулоном и Фуфилем, — начала Юлия-Медея. — Они стреляли уток из луков. Они делали это довольно часто по осени. Мой муж неловко упал с лошади и сломал себе шею.

— Удивительное происшествие! — сказал Конан. — А раньше он когда-нибудь падал с лошади?

— Не припомню. Но мы с ним прожили не так долго.

— Сколько?

— Пять лет.

— Если бы он имел привычку падать с лошади, Юлия-Медея, то за пять лет ты бы об этом узнала, можешь мне поверить. Нет, дорогая, все не так просто. Упал с лошади! Почему-то я в это не верю.

— Ты хочешь сказать... — Юлия-Медея побледнела. — Но это невозможно!

— Что, дорогая, невозможно? В этом мире, под этим солнцем, — Конан величаво и вместе с тем небрежно указал на пылающее дневное светило, — возможно решительно все! Я предполагаю, что твоему мужу помогли упасть с лошади!

— Но ведь Бибулон и Фуфий... — начала Юлия-Медея.

— Не могли этого сделать, да? Потому что они ваши соседи и старые друзья?

— Да.

— Возможно, там был кто-то еще, — сказал Конан.

— Ты меня пугаешь! — Юлия-Медея поежилась. — Я сама не своя с тех пор, как увидела те страшные рисунки на стенах и узнала о проклятии!

— Ты со мной, — утешил ее Конан. — Уверяю, тебе ничего не грозит. А после того, как наш друг Ианитор снимет с дома заклятие, ты будешь совершенно свободна.

Худшие подозрения Конана подтвердились. Конечно, он не верил в случайность смерти мужа Юлии-Медеи. Вряд ли это сделали соседи — тут вдова совершенно права. Рубрий прячется где-то неподалеку. Ему удалось то, на что Конан считал его неспособным. Он вернулся, чтобы завершить начатое.

Рубрию необходимо пробраться на виллу и добыть статую из цельного изумруда. Статую спрятана где-то там, на вилле. Поначалу Рубрий, вероятно, полагал, что вилла по нескольку месяцев в году стоит пустая. Но когда наступила осень, а обитатели виллы даже не подумали покидать ее и переселяться в город, Рубрий понял: дело плохо. Ему удастся проникнуть в дом и пошарить там в тайниках только в том случае, если хозяева будут устраниены. Поэтому для начала он организовал несчастный случай на охоте.

А потом что-то спугнуло его, и он затаился на несколько недель.

— Что ты делала после того, как погиб муж?

— Здесь было очень много людей, — сказала Юлия-Медея. — Я погрузилась в какой-то бесконечный водоворот визитов, выражений соболезнования. Меня вынуждали устраивать разные поминальные пиры, приемы, мамаши в это время подсовывали мне своих сыновей. Потом начались приглашения в город на праздничные мероприятия — якобы мне необходимо «развеяться».

— Но ты на них не ездила?

— Почти не ездила. Я занималась хозяйственными делами. У меня почти непрерывно толкались подрядчики мужа, его караванщики, держатели его магазинов. Я решила продолжить дело мужа.

— А чем он занимался?

— Торговал тканями. Преимущественно шелком и атласом.

Следовательно, в доме всегда кто-то находился, соображал Конан. Было от чего впасть в отчаяние Рубрию. Юлию-Медею не удавалось выманить. А караванщики, которые постоянно находились рядом с ней, — народ серьезный, привыкший к опасностям и не так-то просто поддающийся фата-морганам.

— Тебе просто повезло, — вымолвил он вслух.

— Что?

— Прости, брякнул не подумав, — сказал Конан. — Не обращай внимания. Интересно, что происходит в твоем доме сейчас?

* * *

Об этом они узнали, когда на закате следующего дня подъехали к воротам имения Юлии-Медеи. Конан увидел это первым: мертвец, прибитый к воротам. Вороной конь, на котором ехал варвар, захрапел и встал на дыбы, роняя пену, так что Конан с трудом успокоил животное. Юлия-Медея, не доверяя своему искусству наездницы, сразу спешилась — она поняла, что конь киммерийца храпит и пляшет не просто так, что впереди нечто страшное. Женщине совсем не хотелось упасть с седла. Она бросила поводья магу и пешком приблизилась к воротам.

Увиденное заставило ее отшатнуться и громко вскрикнуть.

— Кто он? — спросил варвар, кивком показывая на убитого.

— Мой конюх, — прошептала Юлия-Медея. — Боги, мне страшно подумать о том, что может твориться в доме...

— Мы похороним его, как подобает, — заверил Конан.

— А вдруг он... — начала было Юлия-Медея, но прикусила губу.

— Что? — спросил Конан.

Тем временем к ним приблизился к Ианитор, ведя гнедую лошадку в поводу. Он так и присвистнул: картина, открывавшаяся глазу, почему-то убедила его в том, что они с варваром на верном пути. Это было очень похоже на Рубрия. Тайное убийство, запутывание.

— Что ты хотела сказать? — настойчиво спросил Конан у женщины.

— Я подумала... вдруг он оживет... начнет ходить и всех убивать... если тут нечисто...

— Еще бы! — не выдержал Ианитор. — Прямо как в той шутке. Дворецкий входит к своему господину и видит, что у того в груди торчит кинжал. «Мне представляется, господин, что тут что-то нечисто», — произносит дворецкий.

— Дворецкий! — вскинулась Юлия-Медея. — Боги! Что с остальными слугами! Вдруг они тоже погибли!

Однако с прочими все обстояло в полном порядке. И дворецкий, и горничная, и кухарка — все оказались живы и здоровы. Более того, никто из них еще не знал о гибели конюха. Юлия-Медея принесла им эту весть и тотчас горничная увела госпожу в комнаты, чтобы та могла освежиться с дороги и привести себя в порядок.

Уходя, Юлия-Медея оставила своих спутников дворецкому, наказав тому выполнять все их поручения.

Дворецкий холодно поклонился гостям, всем своим видом показывая, что те могут не слишком-то рассчитывать на благосклонность столь респектабельного и заслуженного человека, каковым является он, дворецкий.

На Конана это, впрочем, не произвело ни малейшего впечатления.

— Приятель, — развязно обратился он к чопорному слуге, — нам надо бы помыться. Я хочу другую одежду. Что-нибудь менее лохматое. А это пусть служанки почистят и проветрят.

— Боюсь, мы вряд ли подберем что-нибудь подходящего размера, молодой господин, — с поклоном отозвался дворецкий. Глаза его холодно рассматривали варвара. Казалось, ничто не могло укрыться от проницательного взора старого, опытного слуги. Впрочем, Конана это ничуть не смущало. Если дворецкий своим звериным чутьем, какое бывает свойственно прислуге, уже почувствовал, что госпожа завела себе любовника — что ж, оно к лучшему. Не потребуется лишних слов, чтобы объяснять да растолковывать что к чему.

— Впрочем, — добавил дворецкий, — возможно, что-нибудь отыщется. Какие будут еще распоряжения?

— Мой друг, господин Ианитор, — маг. Он прибыл сюда по просьбе госпожи Юлии-Медеи, чтобы осмотреть дом, — сказал Конан. — Госпожа Юлия-Медея полагает, что на доме проклятие.

— Она сделала этот вывод на основании моего рассказа, господин... — дворецкий выдержал краткую паузу, всем своим видом показывая, что не прочь ознакомиться с именем любовника госпожи.

— Конан. Просто Конан, без господина, — сказал киммериец, обворожительно улыбаясь.

— Когда он станет королем, ты сможешь обращаться к нему запросто — ваше величество, — вставил Ианитор.

И Конан, и дворецкий пропустили это замечание мимо ушей.

— Просто Конан, — повторил дворецкий.

— К вечеру дом должен быть очищен от слуг. Предлагаю вместе с госпожой Юлией-Медеей совершить прогулку в гости к ее родителям, — продолжал Конан. — Тем временем Ианитор начнет свои приготовления к ритуалу. Для того чтобы очистить дом от старого проклятия,

надлежит какому-нибудь отважному магу провести там ночь в полном одиночестве.

— Да, я слышал о подобной практике, — важно кивнул дворецкий.

«Что ты слышал, кроме суеверной болтовни глупых служанок на кухне!» — подумал Конан с досадой. Хотя в данном случае невежество слуг было им с Ианитором только на руку.

— Он проведет ритуалы, госпожа, и дух несчастного Филодама, взывающий к отмщению за свою предательское убийство, обретет наконец покой. Он перестанет тревожить жителей этого дома, — произнес Конан, стараясь выглядеть важно.

Испуганная молодая женщина только кивнула, не говоря ни слова. Конану стало даже немного неловко за то, что он дурачит ее. Но в конце концов, в его речах содержалось совсем немного лжи. После того «ритуала», который намеревался провести на вилле Ианитор, «дух» — а точнее сказать, Рубрий, — действительно исчезнет. И исчезнет еще кое-что, о существовании чего вдова Рутилия даже не подозревает: статуя женщины, вырезанная из цельного кристалла изумруда. Она спрятана где-то здесь, на вилле, и Ианитор завладеет ею нынче же ночью. А о том, чтобы маг не надул своего компаньона, который помог ему сбежать с галер, позаботится Конан лично. Догнать Ианитора — если тот вздумает удариться в бега с добычей — и примерно покарать за вероломство для киммерийца не составит боль-, шого труда. Поэтому он ничуть не сомневался в успехе.

И Конан с легкой душой отправился в комнаты — принимать ванну, переодеваться в новые одежды, более подходящие для летнего времени, а затем приступил к обильной и сытной трапезе.

Тем временем Ианитор «готовился» к проведению обряда. Он вполголоса мычал какие-то странные заунывные мелодии (в которых Конан иногда угадывал обрывки катаржных песен, распеваемых галерниками на веслах), время от времени резко взмахивал руками, пугая слуг, расставлял повсюду маленькие хрустальные пирамидки, приобретенные месяц назад в Кориифии у торговки рухлядью на рынке.

Несчастного конюха готовили к погребению. Ианитор провел ритуал очищения, как умел, а затем отвел Конана в сторону и прошептал на ухо:

— Знаешь, я ведь все-таки маг. Кое-чему учился. Распознать присутствие магии я всяко сумею. И вот что я тебе скажу... Никаких чар я здесь не обнаружил. Самое обыкновенное убийство. Коварное, злобное, но без всякой магии. Просто беднягу пырнули ножом, вот и все.

— Рубрий! — сказал Конан.

— Именно.

— Будь начеку, дружище. Жаль, что мне придется сопровождать Юлию-Медею к ее предкам в замок.

— А там случайно нет привидений? — поинтересовался Ианитор.

— Зачем тебе? Одного Рубрия мало?

— Да нет, вдруг у нашей красавицы имеется такая же милая и столь же перепуганная сестра...

— У нее только мать, и та — старая кочерыжка, так что можешь забыть о «привидениях» в фамильном замке, — отрезал Конан с видом собственника. — Твоя работа здесь, Ианитор. Будь очень осторожен. Рубрий — хитрый и ловкий негодяй, он ни перед чем не остановится. Вспомни, как он подсунул свою жену — сперва в постель к Филодаму, а затем вместо себя на плаху. И Рутилия убил он, я уверен.

— До меня он так просто не доберется, — с видом превосходства заявил Рубрий. — Я-то, в отличие от бедняги Рутилка, предупрежден. И вооружен.

Конан дружески хлопнул его по плечу и отошел в сторону.

Путешествие к фамильному замку Юлии-Медеи заняло почти целый день. Девушка взяла с собой всех слуг, десяток лошадей — на некоторых навычили припасы и подарки для родителей. Один раз путники остановились для отдыха и обеда. На траве расстелили скатерть, подали хорошее вино, фрукты, домашний сыр — подарок от Бибулона (который теперь рассматривал соседку почти как родственницу, члена семьи), жареных уток и десяток краюх мягкого хлеба. Добрую часть этой снеди умял Конан; но того, что избежало крепких зубов варвара, с лихвойхватило, чтобы насытить остальных. Затем Конан подхватил Юлию-Медею под руку и утащил «полюбоваться красивой лужайкой», а слуги с кислым и понимающим видом приготовились ждать. Лошади с удовольствием паслись — трава здесь росла сочная и густая. Птицы пели в вышине. День стоял прекрасный, и вечер обещал быть теплым.

Наконец путешествие возобновилось. Юлия-Медея, раскрасневшаяся и сильно похорошелая, весело ехала на гнедой лошадке, позволяя ветру играть со своими распущенными золотыми волосами. Конан, жизнерадостно ухмыляясь, трусил на коне рядом.

Родительский замок вырос впереди на холме, как мрачное напоминание о смерти посреди цветущей природы. Его гнилые черные зубцы бессильно гладили голубое небо, полуобвалившиеся башни все еще угрожали розовым закатным облакам, а стены как будто поглощали свет, пытавшийся приласкать их напоследок. Длинные тени пролегали от замка по склону холма, словно размазанные по папирусу чернильные кляксы, пятна светлую зелень лугов.

— Ты здесь жила? Ты провела здесь всю юность? — спросил Конан у Юлии-Медеи, а когда та печально кивнула, тихо свистнул. — Один вид этого склепа способен уморить человека! Как ты умудрилась выжить да еще вырасти такой хорошенькой?

— Это загадка природы, — сказала Юлия-Медея. — Посмотри, вон лежит камень, а сквозь него проросло тонкое деревце. Живое, каким бы хрупким оно никазалось, всегда может одолеть мертвчину.

— Тут ты совершенно права, — согласился Конан. — А твоя мать — какая она? Похожа на тебя?

Мне немного страшно, — призналась Юлия-Медея. — Мы с ней не виделись со временем моего замужества. Я не слишком ладила с родителями.

— Тебя можно понять, — сказал Конан. — Им следовало давным-давно расстаться с этими обломками и начать новую жизнь в другом месте. Незачем было морить тебя среди развалин.

— Тогда мы потеряли бы наше фамильное имя, — пояснила Юлия-Медея. — А это было единственным, что я могла принести в приданое своему будущему мужу.

— Аристократические бредни, — сказал Конан. — Каждый киммериец помнит имена своих предков и носит свою родословную в крови. Для этого совершенно не обязательно обладать гнилой семейной усыпальницей. Тем более что большинство из нас погибает в горах или во время войн, а иные тонут в море...

— Очень интересно, — сухо прервала Юлия-Медея.

— Я к тому, что ни один киммериец, даже будь у него такая гробница, не смог бы укомплектовать ее подходящим количеством родственных покойников, — пояснил Конан. — Впрочем, дурацкий разговор на ночь глядя.

Ворота замка приближались. Они надвигались, словно роковая неизбежность, и наконец черная тень старого замка полностью поглотила путников. Слуги, привыкшие к просторным,

чистым помещениям виллы, где всегда играет свет, ежились и озирались по сторонам. Хоть на вилле и «лежало проклятие», но там они чувствовали себя спокойно, а вот здесь им делалось не по себе.

Родители Юлии-Медеи встретили дочь после многолетней разлуки довольно холодно. Она тоже проявляла сдержанность. Мать и дочь поцеловались, отец коснулся ладонью ее плеча.

— Мы слышали, ты овдовела, — сказал он.

— Конечно, вы это слышали. Я ведь присыпала вам деньги почти каждый месяц! — с досадой вымолвила Юлия-Медея. — Ох, папа, хватит этих церемонных разговоров! Мой муж погиб на охоте — надеюсь, это вы тоже слышали. Я теперь веду все дела. Замуж снова не собираюсь. Вот это — Конан, мой телохранитель и любовник.

Она с удовольствием заметила, что мать, до сих пор невозмутимо созерцающая свиту дочери, так и подпрыгнула на месте. «Ага, проняло! — злорадно подумала Юлия-Медея. — Вот вам! Сейчас еще не такое будет!»

— Разумеется, я не собираюсь выходить замуж вторично, — продолжала она. — Разве что подвернется подходящий человек.

Родители быстро переглянулись, и на лице отца явственно простило облегчение. Он откровенно был рад тому, что дочь не находит этого верзилу-варвара «подходящим человеком» для вторичного замужества.

— А теперь мы хотим передохнуть. Да, я привезла вам подарки — там, во выюках...

— Почему ты решила посетить нас, дочка? — спросил Тулио более сердечным тоном, чем ожидал от него Конан. — Столько лет мы не решались навестить тебя. Мы понимали, что ты не хочешь нас видеть, что у тебя теперь совсем другая жизнь...

— О, да, у меня была совершенно другая жизнь, — подтвердила Юлия-Медея. — И вы были мне не нужны в этой другой жизни. Впрочем,

если вы захотите, то всегда можете избавиться от замка и переселиться ко мне на виллу...

Она вдруг замолчала. Она не предполагала, что когда-нибудь выговорит эти слова. Что у нее хватит дерзости предложить такое. И все-таки, увидев родителей посреди жалких гниющих руин, она почувствовала, как сердце ее сжимается. Они заслуживают лучшей судьбы. Возможно, если бы они жили по-другому, в их характере и поступках не было бы столько горечи. И еще не поздно все исправить.

— Мама! Отец! — с силой произнесла Юлия-Медея. — Вы мне были очень нужны! Вы, а не ваше происхождение и не ваша гордость! Прошу вас, оставьте здесь все и уезжайте со мной! Мы будем жить совершенно по-другому. Забудем дурное. Забудем бедность. Только сейчас у меня дома беда...

— Какая беда? — спросила мать, старательно округляя брови в демонстративном удивлении. Ее сбил с толку порыв дочери. Она не привыкла к столь бурным изъявлениям чувств.

— На моем доме проклятие, — сказала Юлия-Медея. — Убит один из слуг, на стенах странные надписи... Говорят, что некогда там совершилось страшное преступление, и с тех пор там нечисто... Я наняла опытного мага, который должен уничтожить последствия проклятия, и когда мой дом очистится, давайте переселимся туда вместе.

— Мы должны подумать, — сказал Тулио. Отец всегда был более мягким человеком, чем мать Юлии-Медеи.

Возвращались все-таки вместе, всей семьей. Юлия-Медея волновалась — как-то встретит их вилла, понравится ли там родителям. Для матери придется комнаты переделывать — у нее обо всем свое мнение имеется. И все-таки на душе у молодой женщины было легко. Оказалось, что не хватало ей близких людей. И не поздно, думалось, начать дружбу с родителями заново.

Настроение Конана было менее радужным. Его сильно беспокоило затяянное предприятие. Справился ли Ианитор? Магия магией, а бойцом он всегда был неважным. Остается надеяться только на то, что Рубрий не ожидает нападения и будет действовать нагло — допустит какую-нибудь ошибку.

Вилла ждала их. Издали она казалась приветливой и ухоженной. Вот и аллея с пышно разросшимися кустами и высокими деревьями. По дорожке, посыпанной песком, кавалькада поехала к дому.

И вдруг лошади захрапели, стали биться, косить глазами. Конан спрыгнул с седла и побежал к дому.

И остановился, ругаясь на чем свет стоит.

Так и есть! Вся стена, недавно покрашенная, снова была изрисована отвратительными знаками. Здесь были перевернутые рогатые звезды, мерзкие демонские рожи, странные изломанные загогулины, в которых знаток мог бы признать тайные символы черных магов Стигии. Широкая полоса крови тянулась от парадного входа к аллее. На ступенях перед самой дверью лежало тело Ианитора. Огромная отвратительно жирная змея обвивала его. Конан прыгнул к ней, держа меч наготове. Змея зашипела, подняла голову, и тотчас Конан нанес удар.

Безголовое тело забилось, извергая фонтаны крови, а голова откатилась в сторону, несколько раз лязгнула ядовитыми зубами и затихла. Ее ненавидящие глаза подернулись пленкой.

Затем опало и туловище. Теперь оно было похоже на обрубок толстого корабельного каната. А Ианитор, окровавленный, с распоротым животом, так и глядел неподвижно в пол, и в его мертвых глазах застыл ужас. Конан увидел, что убийца вытащил кишki из его живота и намотал их на столбик возле входной двери.

— Не подходите! — крикнул он своим спутникам. — Пусть мне помогут дворецкий и кто-нибудь из слуг-мужчин, кто покрепче. Уведите женщин!

Юлия-Медея громко, надрываясь, закричала. Конан очень надеялся на то, что ей не удалось рассмотреть всего, но и того немногого, что попалось на глаза, оказалось довольно. Рыдая от ужаса, молодая женщина упала на руки своей матери, и обеих увел дворецкий.

Отец Юлии-Медеи, Туллио, напротив, подъехал поближе и несколько минут созерцал тело убитого.

— Вы предполагаете, что здесь замешана черная магия? — спросил он, недоверчиво поглядывая на Конана.

— Вовсе нет, — ответил киммериец. — Это дело рук человеческих. И я даже знаю, как зовут этого человека. Я узнаю его в лицо, если встречу. Так что он не уйдет от меня.

— Убитый действительно был магом?

— Да, но ему это не помогло. Он был не слишком хорошим магом, — ответил Конан. — Бедняга! Мы с ним даже подружились. Он спрашивал, нет ли у вашей дочери сестрицы. Юлия-Медея пленила нас обоих.

— Кстати, о Юлии-Медеи, — невозмутимо сказал Туллио, не отрывая глаз от трупа, — я хотел попросить вас бессследно исчезнуть из этих мест после того, как вы закончите дело. У меня нет денег, чтобы вознаградить вас, и нет сил для реальных угроз, но...

— Да я и сам собирался распрощаться со здешними краями, — беззлобно отозвался

Конан. — Никогда подолгу не задерживаюсь на одном месте.

— Почему-то я так и подумал.

Они оставили двух слуг освобождать несчастного Ианитора от змеи и приводить его тело в порядок и осторожно вошли в дом.

На первый взгляд здесь ничего не изменилось. «Магические пирамидки», расставленные Ианито-ром по всем углам комнат, мерцали тихим красноватым светом. «Значит, он все-таки немного разбирался в таких штуках», — подумал Конан. Впрочем, пользы от пирамидок все равно никакой не было: они ничего не освещали и только сбивали с толку вспышками. Держа меч обнаженным, Конан осматривал помещение за помещением. Для него оставалось загадкой — каким образом Рубрий ухитрился напасть на Ианитора и убить его, а потом еще притащить сюда змею.

— Вот он! — крикнул внезапно Туллио, указывая на что-то, мелькнувшее на потолке.

Конан вскинул руку с мечом и наугад нанес удар. Ничего. С потолка упал разрезанный на ленты шелк, который был рассечен острием меча, посыпалась труха, набившаяся туда за несколько лет.

Туллио отскочил в сторону и приготовился отражать атаку кого-то невидимого.

— Вы видите его? — крикнул ему Конан.

В тот же миг что-то полупрозрачное скользнуло на фоне пестрой ткани, которой были обиты стены комнаты. Конан испустил громкий боевой клич и набросился на невидимого врага. Он почувствовал, как под мечом забилось тело — впечатление создавалось такое, будто киммериец пронзил моллюска.

— Бейте его, не выпускайте! — громко приказал Туллио. И сам нанес два рубящих удара наискось по тому, кого пригвоздил мечом Конан.

Хлынула кровь. Она заливала дорогие драпировки и пачкала ковры, неприятные теплые брызги попадали на лицо и руки Конана. Постепенно полупрозрачное тело начинало темнеть, как будто пропадая из воздуха, и вот уже перед Конаном корчится в агонии знакомая фигура. Киммериец хорошо видел гримасничающее, искаженное болью лицо.

— Рубрий! — с отвращением выговорил киммериец. — Все-таки это ты!

Ответом ему был хрип.

— Ты убил Рутилия? — спросил, подступая к умирающему, Туллио.

— Будьте... прокляты! — выплюнул Рубрий.

— Где статуя? — спросил Конан.

Ненавидящие глаза уставились на киммерийца, рот негодяя задрожал, пытаясь растянуться в последней издевательской ухмылке.

— Вряд ли ты... найдешь ее... киммерийский пес! — захрипел Рубрий и вдруг обмяк, повиснув всей тяжестью своего тела на мече.

Конан с гримасой отвращения выдернул клинок. Рубрий повалился на пол, как бесформенный мешок, набитый тряпками. Конан пнул его ногой.

— Я должен удостовериться в том, что ты сдох, — обратился он к убитому и одним быстрым ударом отсек ему голову. Новый фонтан крови окатил все вокруг, но после второго толчка иссяк.

— Здесь невозможно находиться, — сказал Туллио, морщась. — Удивительно гнусно воняет.

— А ведь и правда. — Конан повел носом. — Пахнет так, как будто он насквозь протух. А ведь только что был живехонек. И насчет змеи мы его не спросили... Где он взял эту мерзость?

— В этих лесах водятся подобные змеи, так что где взял — не вопрос, — отозвался Туллио. — Важнее другое: каким образом он сумел притащить ее сюда?

— Выходит, Рубрий действительно владел магией, — задумчиво произнес Конан.

— Рубрий? — удивился Туллио. — Где-то я слышал это имя.

— Несколько лет назад. Мерзавец, который подговорил свою жену убить богатого дядюшку. Несчастную дуру четвертовали, а Рубрия сослали на галеры.

— Да, да, припоминаю... Выходит, он бежал?

— Не просто бежал. Он ухитрился овладеть магическим искусством. И владел им куда лучше, чем мой бедный приятель Ианитор. Вот почему никто не видел его, когда он разрисовывал фасад дома своими гнусными закорючками.

— Вы думаете, это его работа?

— Разумеется. Но где же он научился становиться невидимым? Эта загадка меня очень беспокоит, — продолжал Конан. — Где-то рядом находится источник магической силы. И пока мы его не уничтожим, ваша дочь будет в опасности.

Туллио покосился на своего собеседника.

— Скажите, вы очень привязаны к моей дочери?

— Не настолько, чтобы остаться рядом с нею навсегда, хотя она хорошая женщина и заслуживает доброго мужа. Кроме того — это лично мое мнение — ей не повредило бы завести детей. Такие женщины нуждаются в малыше. Можете мне поверить. Я разбираюсь в женщинах.

— Да, — вздохнул Туллио, — я так и подумал. Конан коротко хохотнул.

У него было предположение касательно источника магии невидимости. Точнее, магии прозрачности. Много лет назад Рубрий видел дядюшку статую. Конечно, негодяй говорил правду: драгоценные камни такого размера обладают большим магическим потенциалом. Видимо, в статуе были заложены силы, позволяющие человеку при определенных условиях становиться невидимым.

Судя по тому, как легко пошел Филодам на интимные отношения с женой племянника, старик вообще имел слабость к женскому полу. Вероятно, это и стало одной из причин, по которым он решил создать для себя источник магической невидимости. Надо полагать, подкрадывался к красавицам и любовался ими, обнаженными, пока они купались или прихорашивались. Так сказать, невинные старческие шалости.

При мысли об этом Конан, которому все люди старше тридцати казались дряхлыми, кончеными стариканами, коим место в могиле, презрительно фыркал и усмехался.

Но вслух он сказал только одно:

— Прежний владелец виллы, некий Филодам, создал прозрачную каменную статую. Я думаю, она является источником всего этого волшебства. Скорее всего, Рубрий подслушал или подсмотрел дядино чародейство, а потом воспользовался им.

— Впервые в жизни слышу о таком, — проговорил Туллио.

— Вряд ли вы, господин, вообще о многом слышали в жизни, — не выдержал Конан, — если не вылезали из той мрачной берлоги, где Юлия-Медея провела свое детство.

— Эта мрачная берлога — родовой замок, — начал было Туллио в запальчивости, но сразу сник и только махнул рукой: — Вы, конечно, правы, юноша. Не стоило тратить годы на поддержание видимости жизни там, где она давным-давно угасла. Но мы с женой хотели пристроить дочь как можно лучше.

— Что ж, вам это удалось, — проворчал Конан. — Теперь пора подумать и обо всем остальном. Нужно отыскать эту проклятую статую. Зовите слуг. Пусть обстукают каждую стену, разворошат подвалы и чердаки. Где-нибудь она прячется. Вашу жену и Юлию-Медею не стоит приглашать в дом, пока здесь все не почистят.

— Ковер придется сжечь, — сказал Туллио не без сожаления.

— Она купит новый, — беспечно отозвался Конан. — У нее денег куры не клюют. Она умная женщина и хорошо ведет дела.

— Я уже устал удивляться, — ответил на это Туллио.

* * *

Статую обнаружил никто иной, как дворецкий, и то по случайности. Шатаясь от усталости — шутка сказать, целый вечер, ночь напролет и все утро обшаривать просторный дом! — он прислонился к небольшой гипсовой фигурке, украшающей клумбу перед домом, и вдруг статуэтка повалилась на плитки, которыми была вымощена дорожка перед крыльцом. Дворецкий едва успел отскочить в сторону. Гипс разлетелся в стороны, и вдруг в глаза ошеломленному слуге брызнул яркий зеленый свет. Поначалу он даже не понял, что это такое. Лежащий на плитках предмет лучился, искался и переливался, словно внутри постоянно перемещался самостоятельный источник света. Это была статуя женщины дивной красоты, гладко отполированная и такая нежная, что казалась живой.

— Он нашел ее! — крикнул Конан прежде, чем старик поддался очарованию волшебного предмета. Киммериец увидел зеленое сияние издалека и со всех ног подбежал к статуе.

Одним ударом рукояти меча он разбил ее на сотни сверкающих осколков.

— Что?! — в ужасе завопил дворецкий и закрыл лицо ладонями. Искры зеленого света брызгали теперь со всех сторон, их сияниеказалось нестерпимым для зрения.

— Так будет лучше, — спокойно заметил Туллио, подходя поближе и рассматривая осколки. — Их можно будет собрать и отдать шлифовщику. Здесь целое состояние.

— Думаю, что из этих изумрудов можно сделать колье или диадему для Юлии-Медеи, — важно произнес Конан и повершил драгоценные обломки ногой. — Они идеально подойдут к ее глазам.

Туллио искоса поглядел на киммерийца и вдруг захотел. Конан обиделся:

— По-вашему, я не разбираюсь в драгоценных камнях?

— Да нет, разбираетесь... — Туллио так и не смог объяснить, что именно его насмешило. Может быть, он смеялся просто от облегчения — потому что весь этот кошмар наконец закончился.

* * *

Спустя несколько дней, поцеловав на прощание Юлию-Медею и увязав в кошелек несколько изумрудных осколков — плату за услуги («на память» — как сказала молодая женщина, целуя варвара в губы), Конан покидал усадьбу. Мешок с провизией был приторочен к его седлу, приятные воспоминания легким грузом лежали на сердце, а от дурных он избавился еще прежде, чем скрылась из глаз подъездная аллея, ведущая к парадному входу в дом.

